

Татьяна Иванько

**МиллЕниум. Повесть
о настоящем. Том 5**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

МиллЕниум. Повесть о настоящем. Том 5 / Иванько Т. В.; худ.
Иванько Т. В. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 247 с.

ISBN 978-5-532-95876-0

Разочарование и отчаяние, разорвавшее душу в клочья, разрушенные жизни, - возможно ли выбраться из-под обломков? Героям предстоят новые испытания, новые удары и подарки судьбы. Тайны раскрыты, мосты сожжены, но есть ли будущее там, где сгорело всё прошлое? Смерть пытается вырвать героев из объятий друг друга уже не впервые, сможет любовь и на этот раз победить? Обстоятельства, верные и неверные решения, что подводит нас к краю, - что меняет наши жизни? Или наш путь предопределён?..

ISBN 978-5-532-95876-0

© Иванько Т. В., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 20	5
Глава 1. Пульс	5
Глава 2. Метель	21
Глава 3. Как дорого стоит ложь...	34
Часть 21	53
Глава 1. Упущенная нить	53
Глава 2. Зима	64
Глава 3. Притяжение Солнца	72
Часть 22	80
Глава 1. Соединения	80
Глава 2. Плохая пирамидка...	85
Глава 3. Портрет	92
Часть 23	99
Глава 1. Решения	99
Глава 2. Заговор	109
Глава 3. Игры Смерти	115
Часть 24	123
Глава 1. Бой	123
Глава 2. Ужас	136
Глава 3. Тёмный час	145
Глава 4. Приговорённые	152
Часть 25	158
Глава 1. Третье марта	158

Глава 2. Богатство	167
Глава 3. Стыд и жалость	178
Глава 4. Весна придаёт сил	188
Часть 26	202
Глава 1. Я здесь!	202

Часть 20

Глава 1. Пульс

Эта дурацкая драка со Стерхом произошла через пару дней после моего неприятного объяснения с Леной Короходкиной. Конечно, меня задела её слова об отце и Лёле, но я никак не думал, что это распространится, расплзётся по всем ушам и языкам, как плесень ползёт по поверхности хлебного батона...

Эта грязная сплетня, перемывание злоключений моей семьи стала достоянием всех в Скилфе. Я осознал это, когда один из моих коллег, будто невзначай, будто бы шутя, спросил, а в ординаторской в этот момент было ещё человек пять:

– Так ты развёлся, Алексей Кириллыч, что не празднуем? – он говорит громким полновесным голосом, у него довольное весёлое лицо.

– И не думал, – ответил я, удивлённо и растерянно немного.

Он, ухмыляясь, обернулся на остальных:

– Так у вас, Легостаевых, шведская семья теперь, вы теперь, может быть Леготссон? Или как там у них, Легссон?

Изумление, овладевшее мной в первый миг, сменилось захлестнувшей меня жаркой волной гнева:

– Что ты сказал?! – вскричал я, поднимаясь из-за стола и самому себе, представляясь в два раза больше размером, чем я есть. Негодование придало мне значительности...

Он засмеялся нагло:

– Рассказал бы, Алексей Николаевич, как это? Как вы это устраиваете? Вместе с ней ложитесь или по очереди?! Нам интересно до жути, мы все спорим, ставки делаем. Я вот за то, что по очереди...

Я вижу, я чувствую спиной, что остальные присутствующие посмеиваются, кто, отводя глаза, кто прямо глядя на меня. В таком положении, когда я стал посмешищем для окружающих, я не оказывался ни разу в жизни...

– Весело вам, небось! Втроем-то... или может больше?! – уже хохочет он, поддерживаемый и открыто и скрыто остальными...

Я посмотрел на них. Короходкина... Она наболтала... Но подождите, она... как же она-то узнала? Кто ей сказал о том, что происходит в моей «чудесной» жизни в последние полгода...

Я приехала на УЗИ в своё отделение акушерства. Знала, что сегодня дежурит Дульсинея, поэтому именно сегодня и поехала. Митю заодно отвезу к Игорю, может, и погуляем вместе, пока Кирилл на работе. А сейчас, пока я пошла на исследование, Кирилл и Митюшка гуляли в больничном парке. Меня встретили приветливо, как обычно и встречали. Расспрашивали, как малыш, когда думаю выйти и тому подобное. Зашёл и наш завкафедрой, тоже радостно приветствовал меня:

– Так выходишь весной, а, сектантка?

– Хотелось бы... Но...

– Что за «но»? Или ещё придумала чего? Говорят, муж новый? Ты девушка у нас оригинальная... – глаза у него поблёскивают, смеются.

Я растерялась и даже будто испугалась этого вопроса. Муж новый... будто камни бросают в меня, а ведь никто ещё и не начал и не знают они ничего...

В полутёмном кабинете УЗИ я слышу пульс моего будущего ребёнка. Моего ребёнка. Ребёнка Кирилла... И я опять здесь без Лёни, и это не его малыш, его детей я потеряла ... его я потеряла. Я всё испортила, всё, чем так щедро одарил меня Бог. Я хотела умереть, но теперь я должна жить, чтобы это сердечко стучало, чтобы маленький человечек стал большим, родился и жил. Ещё один ребёнок Кирилла. Он хотел дочку... уже говорил об этом...

Что же твориться, что я делаю... как Лёня узнает это...

Обрывки мыслей, разорванные чувства. Разорванная душа. Почему вместо смерти, мне послана ещё одна жизнь. Почему? Мне не судьба быть с Лёней?

Но жить без него, не могу... не могу...

Как же я снова буду матерью? Может, вразумят меня? Может всё встанет на свои места в моём сердце? В моей душе? В моей голове... Такой подарок – ребёнок, такое счастье, почему мне от счастья хочется лететь, и каждую секунду от ужаса я падаю и разбиваюсь о жёсткую землю.

Что же я натворила?.. Лёня, моя жизнь... Лёня, не прощай никогда, забудь меня... Но как тебе забыть, когда я прилепилась к твоему отцу? Отбираю у тебя и отца... какой-то вечный круговорот ужасных грехов и ошибок, одна хуже другой... И чем дальше, тем хуже я запутываюсь. Я не могу снять и части ответственности...

– Шесть-семь недель, Елена Николаевна, маточная беременность, – улыбается УЗИстка. – Сейчас заключение напечатаю.

Я вышла и поднялась к Дульсинея на второй этаж, она как раз вышла из родзала.

– О, Елена Николаевна! – она сняла стерильный халат и раскрыла объятия и я обняла её, пухлую и маленькую и такую мягкую, будто Страшила из сказки про Изумрудный город. – Слышала, выходить уже надумала? Куда торопитесь, мальчику только год?

– Да не выхожу, только собралась и снова обратно, – улыбнулась я.

Дульсинея, заглянула мне в лицо:

– Обратно?.. Правда?! – улыбнулась, догадываясь. – Ах, Еленочка, вот молодец! Вот и правильно, вот и умница! – похлопала по рукам, по спине тёплыми мягкими ладонями. – А наши-то, все сидят, хуже квашней, курят только всё больше, и мужикам кости моют, все им не хороши, все их, королев наших, недостойны, некоторым к сорокету уже, а всё девушек из себя изображают. Пустоцветы бесполезные...

Мы поболтали ещё не меньше получаса, прежде чем я вышла из корпуса. Кирилл, ожидавший меня на улице у машины, выжидательно посмотрел на меня, я ответила, что всё хорошо...

Хорошо... как далеко «хорошо» бывает от «хорошо»... И счастье и горе могут быть одним, одним и тем же чувством...

– Что ты?.. – он обнял меня, прижавшуюся вдруг к нему.

К счастью, Митюшка отвлекает нас друг от друга, иначе как я могу объясниться? Как мне объяснить ему, что я и на сто седьмом небе от счастья и в бездне от горя, сжимающего мне горло слезами сейчас, но главное, сдавившего мне сердце так, что и говорить не могу...

Игорь рад видеть нас с Митей, улыбнулся, встречая нас, сияя глазами.

– Наконец-то в Москве! – он раскрыл свои щедрые объятия. – Не мёрзнете в деревне-то своей? Зима скоро.

– Нет, не мёрзнем, – улыбнулась я.

– Игай! – Митюшка рад его видеть, поднял ручки, в ожидании, что Игорь поднимет его повыше.

Игорь подхватил его на руки, и Митя сразу кажется таким маленьким рядом с его большой фигурой.

Сегодня мы встретились в парке, Митя потянул Игоря за руку:

– Игай, дём! – он едва выше его колена.

Они резвятся, Игорь рад видеть нас, весело играет и дурачится с Митей. Они бегают в догонялки, когда Игорь догоняет со словами: «Догоню-догоню!», а Митюшка «убегает» с весёлым визгом, Игорь догоняет и, подхватив его на руки, подбрасывает вверх, Митюшка счастлив. Вместо одного нормального отца у Мити три супер отца...

Наконец, они утомились, в зимней одежде не так сподручно бегать, особенно, если ты научился ходить всего три месяца назад. И вот Митя сидит на руках Игоря, серьёзно смотрит вперёд с высоты его большого роста, будто он сам такой же большой мужчина. А чем, по сути, Игорь отличается от Мити... Ростом и силой?.. Мне нехорошо...

Мы присели на скамейку, Митя подходит и отходит от нас. Парк уже совсем голый, нет даже куч листьев, они уже сожжены и убраны. И снега ещё нет, земля подмёрзла и твёрдая, как асфальт, трава на газонах почти содрана уборкой листьев – граблями выдирали их из травы. Воздух пахнет здесь, в парке замерзающей землёй и вот этой погубленной травой, замерзающим на ночь асфальтом, и городом: машинами, людьми резиной, почему-то...

– Лёля, этот ваш дом в Силантьёво, он тебе нравится до сих пор? – спросил Игорь.

– Не то слово! Очень нравится, – искренне ответила я. – Кирилл хотел купить, но его уже продали.

– Я знаю, – ответил Игорь с довольной улыбкой. – Это я купил его. Я купил его тебе. Он твой.

– Как это? Ты... – я посмотрела на него: – Игорь... я не могу...

– Игай... – смешно повторил мою интонацию Митя.

И Игорь засмеялся:

– Ну, хоть что-то я могу подарить тебе, наконец! – он очень доволен.

– Ты нашёл то, от чего я не смогу отказаться! Спасибо, Игорь! – я обняла его за плечо, прижавшись головой к нему. – Но... это не понравится Кириллу...

– Утрясёшь как-нибудь, думаю, он тебе всё позволит, – усмехнулся Игорь.

Мы все замёрзли вскоре после того, как они перестали бегать, поэтому мы зашли погреться и поели в кафе, причём Митя умильно старательно орудовал ложкой, деловито жевал, заглядывая в тарелку.

Игорь смотрит на меня, я слушаю, что он рассказывает о той кафешке, где мы сидим. Здесь, как оказалось, и поэты наши знаменитые бывали, и актёры, и музыканты.

– Где-нибудь на западе в этом кафе висели бы сотни фотографий знаменитостей с их автографами. А у нас всё так, будто это обыкновенное дело, – я не могу не оглядывать стены, в модном духе ободранные до кирпичей.

– Наши знаменитости всегда были частью народа, а не отдельно, где-то... – улыбнулся Игорь, отхлёбывая из чашки. – В таких же квартирах жили, как все, даже зарплаты почти такие же получали... У нас даже царей убивали как обычных людей, а не на плахе... Всё по-другому у нас, похоже...

Я слушаю его и отвечаю, и я рада возможности отвлечься от своих мучительных раздумий. И вдруг Игорь в какой-то момент отвлекся от своего рассказа, глядя на меня внимательно:

– Ты... ты беременна снова, да, Лёля? – спросил он так неожиданно, что я вздрогнула.

Покраснев горячей волной, я согласно кивнула. И отвернулась к Митюшке. Игорь ничего не сказал об этом больше. Он сказал о другом и позднее:

– А я думал, это Лёничка – любовь твоей жизни. Стало быть...

И тут я безудержно зарыдала...

Да, она заплакала так горько, так по-настоящему, что я испугался, не сделалось бы ей плохо.

– Ну что ты... – поднявшись, я обнял её, а она уткнулась лицом мне в грудь, стыдясь своих слёз и не в силах совладать с ними. – Уходи ты от них, сколько можно? Что ты маешься с ними, с этими чёртовыми Легостаевыми?!.. Ну, что ты... плачешь? Или ты ребёнка не хочешь?

Митя замер с ложкой в руке изумлённо глядя на нас двоих...

Лёля даже перестала плакать:

– Как это? – она посмотрела на меня, отодвигаясь, мой вопрос подействовал как пощёчина, останавливая поток её слёз, – да ты что... – она икнула.

– Что ж тогда плакать? – я улыбнулся, погладил её по волосам.

Господи, я утешаю её, беременную от Легостаева! Что происходит? Что за абсурд опять?

– Мама, не падай! – сказал Митя, обеспокоенно выпрямляясь и тряся ложкой в воздухе. – Игай, пусть мама не падай!.. Игай, ты – хато!.. Кажи маме...

– Вот видишь, – улыбнулся Игорь, – мне поручено тебя успокоить. Официально.

Мы ушли из кафе, где уже привлекли внимание к себе. Сегодня я отвезу Лёлю в Силантьёво, Легостаев приедет без них...

Это открытие о новой Лёлиной беременности шарахнуло по мне, как кулаком в грудь. Я начал подозревать ещё в свой последний приезд в Силантьёво. Я всегда был очень зрячим по отношению к Лёле... И вот это открытие, потом её внезапные слёзы... Я вначале неправильно оценил их, в мгновенной надежде, что она огорчена. Но всё не так просто. Вечно с ней непросто...